

Константин Михайлович Станюкович

'Главное - не волноваться'

**Станюкович Константин
Михайлович
'Главное - не волноваться'**

Константин Михайлович Станюкович

"Главное: не волноваться"

I

Раннее солнечное утро, дышавшее острой свежестью горного воздуха, было прелестное.

В роскошных "храмах" знаменитых карлсбадских источников - "Мюльбрунна" и "Шпруделя" - уже играла музыка. Магазины открыты.

Под колоннадой "Мюльбрунна" и на широкой аллее перед ней тихо двигалась толпа разных племен и наречий. Больше всего немцев.

Больные, особенно представители германской расы, не просто отпивали целебную воду из стаканов маленькими глотками или размеренно тянули из стеклянных трубочек: серьезные и слегка торжественные, они, казалось, священнодействовали, свято исполняя свои курортные обязанности, то есть с раннего утра до позднего вечера, когда предписывается ложиться спать, думать только о благополучии своих драгоценных особ.

К семи часам толпа увеличивается. Хвост чающих получить мюльбрунн из ловких рук

приютских девочек, быстро наполняющих из мраморного водоема стаканы и так же быстро их подающих, растянулся в два ряда. Порядок, разумеется, образцовый, хотя ни одного городского. Лишь иногда какая-нибудь нетерпеливая дама - и чаще всего соотечественница - втискивается не по праву в середину хвоста. Задний господин, если не лечится от печени, уступает место. Только улыбнется. Да разве ближайшие господа иронически оглядят нарушительницу порядка и тихо промолвят:

- Русская!

Хотя мой "урок" - два стакана - окончен, но до права выпить кофе остается еще полчаса, - я пошел к моему врачу.

В это утро я еще один в зале доктора. Он немедленно вышел, крепко и ласково пожал мне руку и пропустил меня в небольшой кабинет.

После обычных вопросов о здоровье молодой чех основательно и подробно повторил все то, что уже так же основательно и подробно объяснял в первый визит и что не менее добросовестно и подробно прописал в печат-

ном листке под заглавием "Лечебное предписание", выданном мне на три дня вместе с бессрочным листком относительно диеты.

Затем милый доктор, говоривший по-русски, с убедительностью повторил прежний серьезный совет:

- Главное: не волнуйтесь! Покорнейше прошу не волноваться!

- А что делать, доктор, чтобы не волноваться? - спросил я.

- О, я объясню, как это просто, если есть немножко характера. Скажите себе: "не надо волноваться!" И вы будете отгонять всякие неприятные мысли и пригонять приятные. Аккуратно исполняйте лечебное предписание, больше моциона - и после кюра будете совсем здоровы.

Молодой чех говорил мягко, почти нежно и так уверенно, точно объяснял, что дважды два - четыре.

И, с милым видом искренно наивного жреца науки, он ласково и одобряюще улыбался, показывая зубы, сверкающие из-под сочных крупных губ, по-видимому, не сомневавшийся, что исполнить его совет действительно

"очень просто". Стоило только "пригонять приятные мысли".

Сам доктор, казалось, был один из тех редких по нынешним временам, уравновешенных, с крепкими нервами людей, которые благополучно не знают волнений. Такое уж было у него спокойное и упорное лицо, свежее и румяное, с большими ясными глазами. Круглая, крепко посаженная черноволосая голова, стриженная "ежиком". Мясистые выбритые щеки и черная бородка. Хорошо сложенная, плотная фигура.

Ни в лице, ни в словах, ни в манере доктора не было влюбленности в свою особу. Он только благоволил к ней.

Вдобавок доктор не сомневался, что тихонько, при легальном терпении, Богемия рано или поздно, но все-таки получит все, чтобы каждый чех был таким же "мальчиком в штанах", как немцы и мадьяры.

Я подумал, что добросовестный чех забыл, что я - русский и притом старый писатель, т.е., по распространенному мнению среди умных столоначальников, такой, с позволения сказать, "беспардонный" человек, которому

самим господом богом предназначено писать глупости и, по меньшей мере, волноваться.

Но доктор не забыл, потому что спросил:

- Пишете и здесь?

- Пишу.

- Покорно прошу - не пишите пока. И не читайте газет.

- И русских?

- Лучше и русских. Как говорит наука, и радостные волнения вредны. В Карлсбаде отдыхайте.

После этого доктор вписал в новый листок то, что я знал на память, вручил его мне и, провожая, в третий раз проговорил:

- Главное: не надо волноваться!

Через пять минут я уже сидел за одним из столиков под густыми каштанами на Визе, против ресторана "Elephant".

Кельнерши в черных платьях и белых передниках то и дело бегали через улицу взад и вперед между рестораном и столиками и сновали между ними с подносами.

Одна из фрейлейн заметила меня, любезно кивнула головой, и я знал, что скоро получу кофе.

С первого же дня эта фрейлейн Мари, шустрая и деловито-приветливая, оказывала мне протекцию: оставляла мне столик в первом ряду, чтобы глазеть на публику, возвращавшуюся, с пакетиками купленных булочек в руках, с "водопоя" в излюбленные места, где пьют кофе и чай, подавала мне кофе скорее и сразу понимала или делала вид, что понимает мой невозможный немецкий язык.

Заслужил я благоволения кельнерши десятью крейцерами вместо пяти, которые обыкновенно давала "на чай" кельнершам большая часть публики.

Фрейлейн Мари быстро принесла кофе и предупредительно принесла две газеты, недурно произнося русские названия.

- Novoie Vremie und Moskovskia Viedomosti!

И спросила:

- Всегда подавать русские газеты?

- Пожалуйста. Верно, их не требуют. Русских еще мало?

- Мало. Двое кроме вас ходят и требуют русские газеты.

Нечего говорить, что я забыл предписание доктора и после кофе стал пробегать газеты.

- Извините, "Новое Время" свободно? - раздался около меня голос по-русски.

Я поднял голову и увидел перед собою Привальева.

- Вот не ожидал... Как приятно встретиться со старым знакомым! проговорил Привальев, пожимая мою руку. - Я здесь от печени! А вы?

- От диабета...

- Позвольте присесть около.

- Пожалуйста...

Привальев попросил кельнершу подать кофе и присел против меня.

II

Безукоризненно одетый, моложавый, несмотря на свои "под пятьдесят", Привальев был еще красивый мужчина с заседевшей русой бородкой и выхоленными пышными усами. Но в лице он осунулся. Отливавшее желтизной, оно имело серьезное "государственное" выражение, внушительность которого смягчалась застланностью взгляда пронизательных и пытливых глаз.

Он заговорил необыкновенно любезно и даже не без некоторой задушевности тона в мягком теноре.

Признаюсь, это показалось мне несколько странным в человеке, имеющем репутацию умницы и черствого чиновника, который не станет расточать нежных слов с бесполезными для него людьми и особенно с литератором, не дающим в газете статей о государственных людях, да еще хорошо знавшим Привальева в его молодости, когда он не раз выражал желание "пострадать за правду".

Любезность его превосходительства удивила меня еще и потому, что до сих пор так-таки и не подтверждались возникавшие в Петербурге слухи о том, что Привальев будет объявлен государственным человеком, и потому он директор департамента не сегодня-завтра. Уже в нескольких газетах, отвечающих потребностям публики, были набраны приветственные статьи новой "звезде" замечательному человеку "с планом", строгого ума и доброго сердца. Уже были набраны и "мечтательно-меланхолические" краткие заметки по адресу хотя и благожелательного, но далеко не оправдавшего надежд администратора, оставявшего пост. Уже друзья и добрые знакомые Привальева поздравляли

его и трубили по городу, что другого такого, как Иван Иванович Привальев, им не найти, и что завтра будет приказ об его назначении. Уж дамы, - особенно с "настроением" к правде, любви и красоте, - ездили просить у Привальева мест для мужей, друзей и любовников, как в один прекрасный день был объявлен государственным человеком другой и... ах!

Друзья Привальева первые же изумились. Откуда могли выйти такие невероятные слухи? Да где хоть капля государственного ума в Привальеве? Разумеется, никто не мог считать его кандидатом на сколько-нибудь ответственный пост. Просто самый заурядный чиновник. Такими хоть пруд пруди. Надо отдать справедливость: перо и отлично играет в винт, но интриган, умеет свинью подложить и только воображает, что умен...

Привальев, конечно, знал, что о нем говорят теперь. И печень его превосходительства, прощупанная одним неизвестным и двумя известными петербургскими врачами, оказалась настолько увеличенной, раздражительность, безотчетная тоска и бессонница стали

настолько частыми, что все единогласно предписали Привальеву безусловный отдых, поездку в Карлсбад, потом морские купанья и, главное - избегать всяких волнений, в особенности не читать "Правительственного Вестника" и не слушать служебных разговоров.

И, несмотря на это, Привальев не раз повторял, что он очень рад встретиться с почтенным писателем на чужбине.

- Ддда... Много воды утекло с тех пор! - мечтательно протянул Привальев.

- С каких именно, Иван Иваныч?

Память Привальева и его решительность были вне сомнения.

Но он, как видно, позабыл дату "тех пор" и ответил неопределенно:

- С прежних пор, конечно!.. Да. Много потерянных иллюзий и надежд... По крайней мере для меня... И, надо прибавить, много сделанных глупостей.

Он деликатно не пояснил, кем было сделано много глупостей, но, разумеется, только не им.

И, отхлебнув кофе из небольшой чашки,

продолжал:

- Да... С большой будущностью страна... Только бы нам побольше людей с планом... И последовательных... Надо помнить, что мы - русские и нам нужно свое... русское... а не заимствованное. Пора это понять и не играть в жмурки... Раз мы самобытны, так и во всем должны быть самобытны... Я люблю Россию, но не скрываю от себя многого дурного в ней. И вот, подите, отдыхать люблю за границей... И лечить печень предпочитаю в Карлсбаде... Берут деньги, зато порядок, чистота, комфорт... Кофе отличное... Булочки... И эти фрейлейн все с приличными лицами, аккуратные, приветливые... И везде соблюдается очередь... Обратили внимание, какое уважение здесь к представителям полиции.

- Как же.

- А наша толпа... Наше отношение к полиции... Просят... уговаривают... И никакого внимания, пока... Почему это?

- Вы как думаете, Иван Иванович?

- Нет людей с энергией.

- А разве у нас нет ее?

- Нет... мы точно боимся чего-то... И, повто-

ряю, нет плана... А чего бояться, скажите на милость... Чего и кого? Уж не господ ли писателей?

И после паузы прибавил:

- Я ведь читаю газеты и журналы и не безумец, чтобы считать господ писателей опасными людьми.

- Приятно слышать такие государственные соображения, ваше превосходительство, - заметил я.

- Да... И я имею храбрость полагать, что почтенные, убеленные сединами нераскаянные грешники - и много ли их теперь? - не только ничему не мешают, а, напротив, являются некоторым украшением прессы... Они, так сказать, диссонанс в общем хоре... в некотором роде оппозиция... И я не испугался бы ее... Нет...

Но его превосходительство, видимо, начал волноваться и, поднимая голос, проговорил:

- Только нужен человек с планом.

- С каким, ваше превосходительство?..

- С каким?.. Во-первых, уничтожить...

В эту минуту неожиданно подошел док-

тор-чех и, раскланиваясь, мягко и настойчиво сказал:

- Ваше превосходительство! Главное: не волноваться!

Привальев замолчал. Однако, прощаясь со мною, обещал показать свой подробный план осчастливить Россию.

ПРИМЕЧАНИЯ

"ГЛАВНОЕ НЕ ВОЛНОВАТЬСЯ"

Впервые - в газете "Русские ведомости", 1902, № 124.

П.Еремин